

САМОДЕРЖАВИЕ И РАБОЧИЙ КЛАСС: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА

Л. М. Иванов

Политика русского самодержавия по рабочему вопросу — это часть внутренней политики царизма, природа которой вытекала из политического строя, сложившегося в стране в пореформенный период. В России наряду с развитием капиталистических отношений и появлением классов капиталистического общества сохранялась неограниченная монархия, политическое бесправие народа и полностью отсутствовали какие-либо конституционно-демократические формы. Это породило противоречия во внутренней политике, выражавшиеся, с одной стороны, в попытках любыми способами задержать и затормозить политическое развитие страны, а с другой — в мерах, способствовавших развитию крупной промышленности, железнодорожного строительства, банков, мобилизации земли в руках буржуазии и т. д. Все это отражалось и на рабочей политике — обширной области, охватывавшей не только фабрично-заводское законодательство и полицейско-репрессивные меры, но также способы идеологического воздействия на пролетариат.

Нельзя сказать, что опубликованные материалы и документы (в том числе и в дореволюционное время) не позволяют подвергнуть глубокому анализу весь круг вопросов, связанных с политикой царизма по рабочему вопросу¹. Тем не менее в общих курсах, учебниках и учебных пособиях для вузов весь сложный и многообразный комплекс политики царизма по рабочему вопросу обычно сводится к репрессивно-полицейской политике и рассмотрению фабрично-заводских законов как реакции правительства на растущее рабочее движение. Несколько большее внимание уделено истории так называемого «полицейского со-

¹ «Отчет по Государственному совету за 1882 г.». СПб. 1884; «Отчет по Государственному совету за 1885 г.». СПб. 1887; «Отчет по Государственному совету за 1886 г.». СПб. 1888; «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896—1897 гг.». СПб. 1897; «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1902—1903 гг.». СПб. 1903; «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра Устава фабричного и ремесленного». Ч. I—II. СПб. 1863; «Сборник узаконений, правил и распоряжений, касающихся фабричной инспекции». Вып. I—III. СПб. 1898—1902; «Материалы по изданию закона 2 июня 1897 г. об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». СПб. 1905; «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.». Женева. 1898; «Самодержавие и стачки. Записка министерства финансов о разрешении стачек». Женева. 1902; «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли». Ч. 12. СПб. 1881; там же, ч. 24. СПб. 1898; «Труды высочайше учрежденного всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде». Т. I. СПб. 1897; то же. Т. III, вып. V. СПб. 1897; В. Г. Яроцкий. «Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей». Т. I—II. СПб. 1895; Ив. Чистяков. «Страхование рабочих в России. М. 1912; Г. Ф. Тиранов. Кассы горнорабочих. СПб. 1896; Е. М. Дементьев. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб. 1899; А. А. Пресс. Страхование рабочих в России. СПб. 1900; В. П. Литвинов-Фалинский. Ответственность предпринимателей за увечье и смерть рабочих по действующему законодательству. СПб. 1903; его же. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб. 1900.

циализма» как попытке правительства при помощи специфических средств проникнуть внутрь рабочего движения. Из монографий и статей по рабочему вопросу, вышедших за последние два десятилетия, можно назвать лишь две книги И. И. Шелымагина, монографию А. Ф. Вовчика, сводную работу «Краткая история рабочего движения в России», статьи С. И. Лермана и В. В. Сорокина². В них рассматриваются история фабрично-заводского законодательства и отдельные сюжеты борьбы правительства с рабочим движением. Исключение составляет работа А. Ф. Вовчика, где сделана попытка дать анализ всей политики самодержавия за период 1895—1904 гг., когда рабочее движение достигло большого размаха, а политика правительства по рабочему вопросу получила выражение в ряде законодательных актов и действий. В последнее время появились статьи, в которых поставлена проблема тактики и действий буржуазии в отношении рабочего класса³.

То обстоятельство, что исследователи сосредоточили внимание на фабрично-заводском законодательстве, вполне закономерно. Фабрично-заводское законодательство не было создано только государственной властью, а являлось результатом взаимодействия трех сил: интересов государства, интересов буржуазии и того давления, которое оказывал пролетариат на господствующие классы и правящие верхи своими требованиями и революционной борьбой. Изучая историю фабрично-заводского законодательства, мы в то же время рассматриваем политику по рабочему вопросу не только правительства, но и буржуазии. Следует отметить, что если история законодательства 70—80-х годов отражает политику буржуазии Петербурга и Центрально-Промышленного района, принимавшей в эти годы участие в подготовке законов о труде детей, ночной работе женщин и подростков и закона 1886 г., то впоследствии круг лиц, участвовавших в составлении законодательных актов, расширился за счет других групп буржуазии — польской, донецкой, уральской и бакинской. Это уже была политика российской буржуазии.

При анализе фабрично-заводского законодательства следует рассмотреть законы не только с юридической точки зрения, но и выяснить, как они применялись на практике, как отразились на жизни и положении рабочих, каковы были их экономические и политические последствия. Эти вопросы, по существу, остаются без ответа, если не считать самых общих оценок, а также заявлений, что буржуазия обходила законы, находила в них лазейки и т. д. И. И. Шелымагин, как бы боясь упрека в том, что он преувеличивает значение фабрично-заводского законодательства, пишет о законе 1897 г.: «Итак полицейская

² И. И. Шелымагин. Фабрично-трудовое законодательство в России. 2-я половина XIX века. М. 1947; е го же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900—1917. М. 1952; А. Ф. Вовчик. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов. 1964; «Краткая история рабочего движения в России». М. 1962; см. также «Очерки истории российского пролетариата». М. 1963; С. И. Лерман. Политика царизма по «рабочему вопросу» в 70—80-х гг. XIX века. «Ученые записки» Государственного педагогического института имени В. П. Чкалова. Вып. VII. Минск. 1953; В. В. Сорокин. О некоторых полицейских мероприятиях царизма в рабочем вопросе первой половины 70-х гг. XIX в. «Ученые записки» Смоленского государственного педагогического института имени К. Маркса. Вып. II. Смоленск. 1953; ср. статью: П. Парадизов. Рабочий вопрос в России в начале 70-х гг. XIX в. «История пролетариата», 1932, № 10, стр. 57—71.

³ Э. Э. Крузе. Антирабочая политика монополий (на примере петербургской промышленности). «Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема. 1910—1914». М. 1965, стр. 389—400; В. Я. Лаврычев. Российские промышленники и рабочее движение в период империализма. «Рабочий класс и рабочее движение в России». М. 1966, стр. 255—284; Л. Е. Шепелев. Копартнершип и русская буржуазия; там же, стр. 285—303; И. А. Бакланова. К вопросу о милитаризации труда в период империалистической войны; там же, стр. 304—313; А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и рабочий вопрос. «История СССР». 1966, № 1, стр. 42—69.

сущность закона 2 июня 1897 г. очевидна. Однако, несмотря на это, прогрессивного значения его отрицать нельзя»⁴. А. Ф. Вовчик, проанализировав этот же закон, пришел к выводу, что, «несмотря на буржуазно-полицейскую сущность закона, нельзя недооценивать его значения»⁵. Оба автора подчеркивают, что фабричные законы, несмотря на все их недостатки, или, как сказано выше, «полицейско-буржуазную сущность», объективно содействовали пониманию рабочими задач борьбы за свои права, сплачивали и объединяли их. Для доказательства этого И. И. Шелымагин, например, в выводах к каждой главе приводит табличку стачек, хотя, конечно, прямую связь между издававшимися законами и ростом рабочего движения можно отметить не во всех случаях. Бесспорно, что фабрично-заводское законодательство раскрывало глаза рабочим на политику правительства и буржуазии и, как говорит В. И. Ленин, имея в виду закон 1897 г., необходимо и неизбежно давало новый толчок русскому рабочему движению⁶. Но если социал-демократия использовала фабрично-заводские законы для разоблачения корыстной, классово-политической политики правительства, то правительство и буржуазия старались подчинить их своим политическим целям.

Фабрично-заводское законодательство — это итог борьбы пролетариата с буржуазией; чем шире и организованнее становилось рабочее движение, тем больше буржуазия должна была идти на уступки. Это относится и к государству, которое играло первостепенную роль в оформлении политики в отношении рабочих. Не останавливаясь специально на этом вопросе, следует отметить, что отношение правительства и буржуазии к законодательству не могло быть и не было одинаковым. Правительство прежде всего было заинтересовано в «сохранении общественного порядка», этой альфы и омеги в области внутренней политики, потому, что развитие классовых противоречий, открытой политической борьбы подорвало бы самодержавно-дворянский строй, и без того подтачиваемый экономическим развитием. В этих условиях, проводя политику, рассчитанную на сохранение «устоев», правительство выдавало себя за попечителя, заботящегося об интересах более слабой стороны. «А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили не мало труда на такое заигрывание с рабочими... В Азии, и в том числе в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные проделки пользуются большим успехом»⁷.

Некоторое расширение в 60-х годах буржуазных свобод, получившее выражение в законах о печати, суде, высшей школе, местных органах управления (земство, городское управление), не касалось основной массы населения — крестьян и рабочих. В этих условиях, при отсутствии политических свобод, и формировалась попечительная политика правительства, в трансформированном, приспособленном к пореформенному времени виде отразившая практику феодального времени. Наиболее полно она проявилась по отношению к крестьянам. В отношении рабочих она не сразу сложилась в завершенную систему воззрений и определенных законодательных актов. Это видно хотя бы на примере комиссии министерства финансов во главе с А. Ф. Штакельбергом. Выра-

⁴ И. И. Шелымагин. Фабрично-трудовое законодательство в России, стр. 147

⁵ А. Ф. Вовчик. Указ соч., стр. 186.

⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 301.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 74.

ботанный ею в 60-х годах промышленный Устав при сохранении общей тенденции «попечительства» и уголовной наказуемости за участие в стачках, отличался рядом новшеств. В нем указывалось, что к работе в промышленности не могут допускаться дети моложе 12 лет, а ночная работа подростков до 18 лет воспрещалась, рабочие в случае увечья должны получать вознаграждение от фабрикантов. Для наблюдения за выполнением этого устава следовало образовать фабричную инспекцию; промышленные суды (в которые входили представители и от рабочих и от предпринимателей) могли брать на себя всю тяжесть регулирования условий труда, оплаты, разбора трудовых конфликтов и даже стачек⁸. Лишь позднее, в 80—90-х годах, была выработана серия фабричных законов, отразивших политику правительства и буржуазии: в 1882 г. — закон, ограничивающий найм детей на работу в промышленность, а в 1885 г. — закон, запрещающий использование женского труда и труда подростков в ночные смены (это были наиболее острые вопросы того времени); в 1886 г. вышел закон о штрафах, который регламентировал почти все стороны найма рабочих и стал одним из основных актов, регулирующих взаимоотношения рабочих и буржуазии; в 1897 г. появился закон, который установил величину рабочего времени.

Все эти законы были приняты без участия рабочих, хотя и явились прямым ответом на их выступления. Правительство, регламентируя наиболее волнующие рабочих стороны фабричной жизни, частично сдерживая промышленников в вопросах эксплуатации, добивалось укрепления положения в стране, стремилось выработать у рабочих представление о самодержавии как своем попечителе. «Самодержавие готово давать (и действительно иногда дает) отдельным слоям или группам рабочего класса улучшения положения, лишь бы эти слои помирились с абсолютизмом»⁹. Правительство, по словам В. И. Ленина, рассчитывало, что закон 1886 г. «сразу удовлетворит рабочих и заставит их забыть о своем общем деле, о своей борьбе против фабрикантов»¹⁰. Рассматривая историю рабочего законодательства, В. И. Ленин обращал внимание, с одной стороны, на связь его с рабочим движением, а с другой — на смысл и цели этого законодательства: в ответ на стачки конца 70-х годов «Александр III включает в свою так наз. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство»; стачки 1884—1885 гг. «снова выдвигают «попечительную» политику»; стачки середины 90-х годов наводят трепет на правительство, «и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2 июня 1897 г.) о сокращении рабочего дня»¹¹.

Фабрично-заводское законодательство преследовало определенные политические цели: внести успокоение в среду рабочих, ликвидировать почву для революционной антиправительственной агитации, поставить рабочие массы под контроль правительства. Государственный совет, утверждая закон 1886 г., высказал уверенность, что он будет способствовать «возможному устранению на будущее время фабричных забастовок и беспорядков»¹². Такая политика, как указывал В. И. Ленин, могла иметь успех в России, особенно на раннем этапе, когда значительная часть рабочих еще оставалась связанной с деревней, когда рабочее движение было слабо, неорганизовано и направлено против частных несправедливостей, а не против всей системы эксплуатации.

⁸ «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра Уставов фабричного и ремесленного». Ч. 1, стр. 495—593.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 364.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 59.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 75.

¹² Н. Н. Полянский. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб. 1907, стр. 369.

Правительство, а также буржуазия долгое время считали, что в России в отличие от Западной Европы отсутствует рабочий класс, поэтому с помощью хорошо рассчитанной и настойчиво проводимой политики можно было предупредить появление рабочего вопроса. И даже тогда, когда отрицать наличие рабочего класса и рабочего движения было уже невозможно, правительство продолжало придерживаться той же тактики. Дело здесь заключалось не в непонимании, а в невозможности другой политики в условиях самодержавного строя. Этим объясняется сохранение, при некоторых колебаниях накануне первой русской революции и особенно в 1905—1907 гг., прежней политики по рабочему вопросу. С. Ю. Витте в 1896 г., когда рабочий класс выдвинул вопрос о сокращении рабочего дня, убежденно заявлял, что закон 1886 г. оправдал возлагавшиеся на него надежды, устранил значительное количество поводов к неудовольствиям, уменьшил появление таких столкновений, которые иногда переходят в резкую форму. Недостаток этого закона заключается в том, что он не разрешил вопроса о нормировании рабочего дня¹³. Так же подходил к закону 1886 г. и И. И. Янжул, один из первых фабричных инспекторов и участник выработки фабрично-заводских законов 1882—1886 годов. Уже позднее, после революции 1905—1907 гг., в своих воспоминаниях он заявлял, что, если бы в 80-х годах были «удовлетворительно разрешены вопросы об упорядочении вообще фабричного быта... несомненно, мы имели бы теперь в России рабочих во всех отношениях разумнее и умереннее в своих желаниях и требованиях»¹⁴.

Правительство нарочито все время подчеркивало свою заботу о «рабочем люде». При обсуждении в правительственной комиссии законопроекта о нормировании рабочего дня не только С. Ю. Витте, но и все присутствовавшие в унисон говорили то же самое. Представитель министерства внутренних дел И. Г. Щегловитов в присутствии ряда крупных промышленников, таких, как С. Т. Морозов, Н. А. Найденов, Г. А. Крестовников, и других настойчиво твердил: «Если рабочие убедятся, что правительство, издав закон, достигло благоприятных условий для рабочих, то они будут смотреть на него, как на своего защитника и покровителя, и если такого впечатления новый закон иметь не будет, то рабочие будут склонны к противоправительственным внушениям»¹⁵. Государственный совет, обсуждая законопроект 1897 г., счел нужным, со своей стороны, подчеркнуть: «Проектируемые меры... будут благосклонно встречены благоразумной частью рабочего населения, как новый акт высочайшей милости и как доказательство попечения вашего императорского величества о нуждах народа»¹⁶. Та же мысль о частичном удовлетворении нужд рабочих в интересах укрепления «общественного порядка» недвусмысленно выражена в объяснительных записках министерства финансов к законопроектам 1903 г. об ответственности предпринимателей за увечье и смерть рабочих и о фабричных старостах, а также в аргументации Государственного совета. «Основною причиной беспорядков, происходящих в последнее время в рабочей среде, являлись недоразумения между фабрикантами и рабочими, основанные почти исключительно на почве экономических интересов той и другой стороны», — говорилось в ходе обсуждения этих законопроектов в Государственном совете. Тот же Государственный совет пришел к выводу, что «правительству приходится считаться с подпольной деятельностью

¹³ «Материалы по изданию закона 2 июня 1897 г. об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», стр. 87.

¹⁴ «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.», СПб. 1910, стр. 189.

¹⁵ «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.», стр. 18.

¹⁶ «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896—1897 гг.», стр. 189.

лиц, которые избрали рабочих орудием для противоправительственной агитации. Издание обсуждаемого узаконения может иметь последствием значительное уменьшение успеха пропаганды»¹⁷.

В конце 90-х годов XIX в.— начале XX в. министерство внутренних дел провело ряд обследований и, воочию убедившись, что положение рабочих оставляет желать лучшего, выступило с записками, формулируя общее направление политики по отношению к рабочим. В них нет ничего принципиально нового. П. Д. Святополк-Мирский, бывший в то время товарищем министра внутренних дел, признавал, что в жизни рабочих немало условий, облегчающих противоправительственную пропаганду. К числу этих условий он относил прежде всего отсутствие социального страхования¹⁸. О плохом материальном положении рабочих и эксплуатации их промышленниками писал шеф жандармов А. И. Пантелеев; у министра внутренних дел Д. С. Сипягина в результате поездки по Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерниям сложилось впечатление, что революционная пропаганда среди рабочих растет, почвой для нее является их неустрашенность и «правительство не может ни в коем случае предоставить рабочих на произвол слепой игры экономических сил, а обязано прочно и твердо взять в свои руки все нити управления жизненными интересами этих слоев населения»¹⁹.

Параллельно с изданием фабрично-заводских законов правительство все шире применяло репрессивные меры против участников рабочего движения. Еще в 1845 г. были приняты правила о привлечении к суду за участие в стачках. Правда, первоначально меры наказания были минимальны, но главное заключалось в том, что правительство встало на путь судебного преследования стачечников. Это была определенная линия, полностью сохранившаяся в пореформенное время. В 1886 г. одновременно с законом о штрафах и регулировании условий найма были изменены статьи «Уложения о наказаниях»; меры наказания за участие в стачках были значительно усилены, особенно в отношении «зачинщиков». Признание стачек уголовно-наказуемым делом влекло за собой административную расправу со стачечниками, а также использование полиции и армии. Правительство широко практиковало эти меры. Изданный в 1870 г. циркуляр министерства внутренних дел давал право местным властям высылать наиболее активных участников стачек в отдаленные губернии страны, а принятое в 1881 г. «Положение» об усиленной и чрезвычайной охране еще более расширило возможности внесудебного воздействия на участников рабочего движения. Наконец, в 1897 г. последовал новый циркуляр того же министерства внутренних дел, в котором говорилось, что дела о стачках нет необходимости доводить до судебного разбирательства, а, используя «Положение» об охране, нужно решать вопрос об участниках стачек административным путем.

Таким образом, и издание фабрично-заводских законов и крутые меры в отношении рабочих были связаны с ростом рабочего движения. Переплетение попечительных и репрессивных мер вытекало из природы политического строя государства. В. И. Ленин указывал, что «правительство никогда, конечно, не надоеет повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подманить к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусливее»²⁰. Оценивая политику прави-

¹⁷ «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1902—1903 гг.», стр. 147, 194, 195, 207 и др.

¹⁸ «Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 года». «Красный архив», 1936, № 3(76), стр. 62.

¹⁹ И. Х. Озеров. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы М. 1906, стр. 138.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 76.

тельства в целом, В. И. Ленин писал уже после революции 1905 г.: «В России, соответственно ее безграничной отсталости, крепостнические методы борьбы с рабочим движением страшно преобладают»²¹. Крепостнические методы — это и есть полицейская политика, сочетающая в себе расправу с непокорными рабочими и подачки остальным.

Когда правительство обвиняло предпринимателей в неуступчивости рабочим, то буржуазия всякий раз давала понять, что вина за растущее в стране рабочее движение лежит на правительстве, недостаточно жестко ведущем политику по отношению к рабочим и не умеющем или не желающем принять во внимание политические пожелания самой буржуазии. Такие взаимные упреки по мере обострения политического положения в стране, особенно в конце XIX—начале XX в., становились все более частыми. В первые два десятилетия после реформы почти полностью отсутствовали законы, которые хотя бы в какой-то степени сдерживали наступление буржуазии на экономический уровень жизни рабочих. Рабочее движение тогда было слабым, и буржуазия отбивала попытки правительства приступить к введению фабрично-заводского законодательства. Так, например, она легко провалила проект фабричного закона 60-х годов. Проекты фабричных уставов, выработанные сначала комиссией Н. П. Игнатьева (1870 г.), затем П. А. Валуева (1874 г.), также не устраивали буржуазию, и она приняла их в штыки, подчеркивая, что отношения между рабочими и работодателями должны складываться на основе свободного договора²². Правительство легко сдавало свои позиции, пока усиление рабочего движения не заставило его занять более твердую линию. Так появились законы 80-х годов. Правительство поняло, какую опасность таит в себе рабочее движение, и старалось с помощью отдельных уступок ослабить недовольство рабочих. Постепенно складывалась так называемая политика попечительства. Все эти законы отвечали интересам буржуазии. Однако ее представители, особенно среди текстильных фабрикантов Центрально-Промышленного района, не всегда улавливали это. Не обладая политическим опытом, рассчитывая по привычке на силу полицейской поддержки правительства, московские и владимирские фабриканты были неуступчивы, сопротивлялись введению фабричных законов, видя в них, с одной стороны, преграду для бесконтрольной эксплуатации рабочих, а с другой — ущемление своих доходов. Поведение текстильных фабрикантов Центрально-Промышленного района не изменилось и в 90-х годах, когда они всеми способами противились законодательному установлению норм рабочего дня.

Иной была позиция петербургской и польской буржуазии, которая при подготовке законов 1882, 1885 и 1897 гг. не только выступала в их поддержку, а в ряде случаев являлась даже их инициатором. Различные позиций отдельных групп буржуазии определялось не их субъективными качествами, а положением в промышленности. Петербургские и польские фабриканты, располагая предприятиями, оборудованными более современными машинами, основной упор делали на интенсификацию труда, к тому же они в отличие от промышленников центра страны не имели в своем распоряжении свободных резервов местной рабочей силы. Когда же интересы московской и петербургской буржуазии совпадали, то они действовали вкуче, что легко проследить по их отношению к закону 1903 г. об ответственности предпринимателей за смерть и увечье рабочих. Буржуазия повсеместно противилась принятию этого закона, заявляя, что он вторгается в область, доступную только ее влиянию, что непредвиденные расходы вызовут потрясения

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 322.

²² Оба эти проекта были куда скромнее, чем проект комиссии Штакельберга. В них говорилось лишь о том, что надо ввести возрастную норму для найма детей (с 12 лет) и установить, сколько часов они должны работать.

промышленности. Несмотря на то, что Витте всячески уверял буржуазию, что положение сложилось нетерпимое («С одной стороны, сами рабочие делают попытки собственными силами добиться желательных для себя мер, попадая при этом нередко под действие нежелательных элементов. С другой стороны, действия низшей администрации в отношениях своих к рабочим, не руководимой точно определенными законами, имеют нередко произвольный характер»²³), предприниматели стояли на своем. Не помогло и указание на то, что закон успокоит рабочих, а отклонение его может привести к серьезным потрясениям общественного строя²⁴. Буржуазии, как нередко бывало, и на этот раз удалось добиться отсрочки введения закона.

Вопрос о взаимоотношении царизма и буржуазии связан с другим вопросом — о роли различных правительственных ведомств в проведении рабочей политики. Обычно считается, что министерство финансов — это министерство буржуазии, а министерство внутренних дел — это министерство дворян, и соответственно этому первое проводило буржуазную, более гибкую, более тонкую политику, а второе было реакционным и знало одно — репрессивно-полицейские меры. «Если министерство финансов, отражая волю промышленной буржуазии, — пишет А. Ф. Вовчик, — придерживалось более «тонкой» тактики в борьбе с рабочим движением, суть которой состояла в обмане рабочих «попечительством» в сочетании с полицейской расправой, то министерство внутренних дел, не отказываясь от «попечительства», предлагало идти на пролом, применяя репрессии»²⁵. При этом утверждается, что министерство финансов, «будучи министерством буржуазии, выражало требования наиболее дальновидной буржуазии»²⁶. В доказательство этого А. Ф. Вовчик приводит ряд примеров. Остановимся на одном из них, а именно на вопросе о фабричной инспекции. Как известно, когда министром финансов стал И. А. Вышнеградский, тогда сложилось резко отрицательное отношение к фабричной инспекции, даже вышла инспирированная министерством работа В. П. Безобразова²⁷, содержащая нападки на фабричную инспекцию и фабрично-заводское законодательство. Проектировалось передать фабричную инспекцию в ведение министерства внутренних дел в надежде, что там «из инспекторов сделают станových приставов»²⁸. Но этому воспротивилась буржуазия. Позднее министерство внутренних дел стало претендовать на то, чтобы фабричная инспекция была передана в его ведение, и на этой почве уже при Витте разгорелась междуведомственная схватка, закончившаяся тем, что фабричная инспекция осталась в ведении министерства финансов, но усилилась ее зависимость от местных органов управления и возросли ее полицейские функции.

Вся внутренняя политика или, вернее, социальная политика сосредоточивалась в руках министерства внутренних дел, исключая рабочий вопрос, которым в отношении фабрично-заводских рабочих ведало министерство финансов, а в отношении горнозаводских — министерство земледелия и государственных имуществ. На долю министерства внутренних дел выпадали в данном случае исполнительные функции и осуществление карательных мер. Буржуазия не захотела менять «хозяйина», но от этого министерство финансов не становилось более гибким и дальновидным органом буржуазии. Оно проводило общеправи-

²³ «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1902—1903 гг.», т. II. СПб. 1904, стр. 137.

²⁴ Там же, стр. 140.

²⁵ А. Ф. Вовчик. Указ. соч., стр. 52.

²⁶ Там же, стр. 314.

²⁷ «Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действий новых фабричных узаконений и фабричной инспекции». СПб. 1888.

²⁸ «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.», стр. 187.

тельственную политику. Расхождения между двумя этими министерствами касались лишь форм и методов осуществления политики, при этом министерство финансов полностью учитывало корыстные интересы буржуазии.

Чтобы закончить с вопросом о роли министерства внутренних дел и министерства финансов в проведении рабочей политики, остановимся еще на законе 1897 г., точнее, на отношении к нему и правительственных ведомств и буржуазии. Как известно, вопрос о сокращении рабочего дня был поднят польскими и петербургскими фабрикантами, заинтересованными в первую очередь в интенсификации труда. Но только стачка петербургских рабочих 1896 г. заставила правительство спешно составить соответствующий законопроект. Против сокращения рабочего дня выступила московская буржуазия, к голосу которой прислушались министерство финансов и все правительство. При обсуждении правительственного законопроекта представители министерства внутренних дел (Щегловитов и Семякин) и министерства юстиции (Носенко) предлагали, чтобы рабочий день равнялся 11 часам; в ответ на возражения представителей министерства финансов (директора департамента торговли и промышленности В. И. Ковалевского, Н. П. Мангового, фабричных инспекторов Е. М. Дементьева и В. Е. Варзара) все трое настаивали на том, чтобы министерство финансов любым путем избежало сокращения заработной платы рабочим.

Конечно, представители министерства внутренних дел и других ведомств отнюдь не выступали в роли ратателей рабочих. Их интересовали не нужды рабочих, а общегосударственные цели. Они пытались найти путь, с помощью которого можно добиться «тишины и спокойствия». Щегловитов отметил в своей речи, что с ростом промышленности увеличивается и число рабочих, а это делает рабочий вопрос «все более и более серьезным и даже жгучим» и «правительство может, с своей стороны, заботиться только о том, чтобы и фабричные рабочие видели в нем постоянного защитника, которого видит в нем наше сельское население». Напомнив, что правительство заинтересовано в предупреждении беспорядков, Щегловитов вновь вернулся к вопросу о роли правительства, обвинив фабрикантов в том, что «они не заботятся об улучшении быта своих рабочих»²⁹.

Расхождения между правительством и буржуазией, даже когда вопрос касался экономических уступок последней, не следует преувеличивать. Буржуазия со временем охотно подхватила правительственный тезис о патриархально-попечительных отношениях. Она поняла, что фабрично-заводские законы дают возможность утилизировать их в ее собственных интересах.

В 80—90-х годах, когда происходит усиление рабочего движения и издаются основные фабрично-заводские законы, расширяется строительство фабричных больниц, приемных покоев, жилищ для рабочих, школ и т. д. Это не было бескорыстным актом и вызывалось рядом причин, а также стремлением создать необходимый минимум постоянных рабочих, прочно связанных с работой в промышленности. По сведениям, относящимся к 1897 г., на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, оказывалась медицинская помощь 1 млн. рабочих (70% их общего числа)³⁰. Через 10 лет больничная помощь оказывалась уже 1,5 млн. рабочих (84,1% общего их числа)³¹. По сведениям, относящимся к 1899 г., в Богородском уезде, Московской губернии, примерно половина рабочих жила в домах, принадлежавших фабрикан-

²⁹ «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.», стр. 20.

³⁰ Е. М. Дементьев. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб. 1894, стр. 83, 84.

³¹ Е. М. Дементьев. Врачебная помощь фабричным рабочим в 1907 году. СПб. 1909, стр. 8, 9.

там³². Примерно такая же картина наблюдалась и во всем Центральном-Промышленном районе. При фабриках, кроме жилищ, строились бани, в некоторых случаях — детские сады, родильные дома, богадельни; хотя и медленно, но увеличивалось число школ при фабриках: в 1885 г. их было 163, а в 1899 г. — 446 (44,4 тыс. учащихся)³³. На некоторых предприятиях рабочим выдавали ссуды на постройку жилых домов (Сормово, Бежица, на казенных предприятиях, в каменноугольной промышленности Донбасса и нефтяной промышленности Баку, где до 70—80% рабочих размещались в казармах и бараках).

Как известно, социальное страхование в России отсутствовало. Помощь по болезни, по старости (а женщинам — в связи с беременностью) рабочие могли получить из капитала, составлявшегося на каждом предприятии из штрафов, и общего фонда, находившегося при министерстве финансов. Эта помощь была ничтожна и целиком зависела от фабрикантов и фабричной инспекции. Не изменяло положения в этой области и создание в ряде мест вспомогательных касс и других организаций, выдававших пособия рабочим, получившим увечья на работе. По общегражданским законам рабочие могли получить возмещение за увечье, но это было связано с судебными процессами, которые были сложны сами по себе и требовали значительных издержек³⁴. Однако в 80-х и особенно в 90-х годах рабочие стали все чаще обращаться в суды, решения которых нередко обязывали предпринимателей выплачивать пенсии лицам, получившим увечья. В 80-х годах правительство под давлением рабочего движения выработывает проекты закона об ответственности предпринимателей за смерть и увечья рабочих. Все это, вместе взятое, побудило предпринимателей решиться на такой шаг, как страхование рабочих от увечья в частных страховых обществах³⁵. В 1888 г. в стране насчитывалось 40,1 тыс. застрахованных рабочих, в 1890 г. — 94,4 тыс., в 1895 г. — 205 тыс., в 1900 г. — 936,3 тыс. В 1901 и 1903 гг. число застрахованных несколько сократилось³⁶. Основной контингент застрахованных рабочих, по сведениям за 1898 г., приходился на Петербургскую (81,2 тыс. рабочих), Екатеринославскую (52,9 тыс.), Лифляндскую (43,9 тыс.) и Московскую (42,9 тыс.) губернии³⁷. Страхование в частных страховых обществах носило коммерческий характер и, увеличивая расходы промышленной буржуазии, мало что давало рабочим. Страховые общества выплатили рабочим с 1888 по 1898 г. 3 595,1 млн. рублей. За это же время промышленники внесли в страховые общества 5 856,9 тыс. рублей³⁸. Таким образом, рабочие из всей этой суммы получили примерно 3/5, а остальные деньги ушли в виде прибыли страховым обществам и на организационные расходы. Страховые общества, как правило, прибегали к всевозможным уловкам и прямому обману рабочих, чтобы сократить выплату им пенсий и пособий³⁹.

³² К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. СПб. 1908., стр. 223.

³³ А. Погожев. Школьно-фабричные нужды России. «Русская мысль», 1894, IX, стр. 24.

³⁴ В. Г. Яроцкий. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Т. 1, стр. 188 и др.

³⁵ Рабочие страховались преимущественно на случай смерти, а также полной или частичной постоянной утраты трудоспособности. Страхование по временной потере трудоспособности, наиболее частым случаям травматизма отсутствовало. Страхование на случай постоянной потери трудоспособности исходило примерно из 1,5 тыс.-кратного дневного заработка, на случай смерти — тысячекратного. Размер вознаграждения рабочего, получившего увечье, зависел от степени потери трудоспособности.

³⁶ С. Н. Прокопович. К рабочему вопросу в России. СПб. 1905, стр. 139.

³⁷ А. А. Пресс. Указ. соч., стр. 28.

³⁸ Там же, стр. 19, 21.

³⁹ М. Г. Лунц. Из истории фабричного законодательства. Сборник статей. М. 1909, стр. 123, 165, 171; Л. Б. Бертенсон. По поводу частного законодательства страхования рабочих. СПб. 1903, стр. 6 и др.

Помимо непосредственной связи с буржуазией в производстве, рабочие оказывались опутанными сложной системой зависимости и вне их труда на фабриках и заводах. Эта система усложнялась и росла, постепенно захватывая и такие далекие от непосредственной фабричной жизни области, как образование, отдых, врачебная помощь, не говоря уже о жилищах. Представим себе рабочего, например, на Ярославской большой мануфактуре. Нанявшись на работу, он в зависимости от расположения администрации может получить фабричное жилье, а если семейный, то и отдельную каморку; если же ему не дали жилья, он поселяется на вольной квартире и в этом случае получает от фабрики «квартирное довольствие»; при болезни он обращается в фабричную больницу (в большинстве случаев там оказывали лишь первичную амбулаторную помощь); при фабрике имеется детский сад, и он может отдать туда своих детей, а когда они вырастут, при той же фабрике имеется начальная школа; в баню он идет тоже в фабричную и бесплатно; наконец, в старости, если остается без призора, может быть помещен в богадельню. К этому следует добавить, что и продуктовая лавка работает от фабрики, и церковь построена все той же фабрикой, при фабрике бывают чтения и концерты⁴⁰. Так было на многих предприятиях Центрально-Промышленного района. Наиболее глубоко эта зависимость рабочих от фабрикантов зашла в таких отраслях промышленности, как текстильная, каменноугольная и металлургическая на юге России, нефтяная и свеклосахарная⁴¹. В меньшей степени это наблюдалось в крупных городах: Петербурге, Москве, Риге, Екатеринославле, где большинство рабочих жило на частных квартирах, где их дети могли получить образование в городских школах, где существовала сеть городских больниц и т. д. По расчетам на 1900 г., по фабрично-заводской промышленности расходы на врачебную помощь, содержание жилищ, бытовых заведений, школ, на оплату увечным рабочим достигали 13,2 млн. руб., примерно в среднем по 10,4 руб. на каждого⁴². 13,2 млн. руб. составляли около 5% суммы заработка всех рабочих. Такова величина расходов, которыми откупалась буржуазия. При подобной системе «заботы» промышленники не были заинтересованы прибегать к буржуазным приемам подкупа и развращения рабочих, выступали против экспериментов зубатовского типа, против профсоюзов, понимая, что все это подорвет существующие рычаги воздействия на рабочих.

Сложившаяся патриархально-попечительная система и в сфере производства и в быту рабочих, зависимость от фабрикантов во всем вызывали ненависть передовой части рабочих. В то же время у наиболее отстающих рабочих она создавала представление, что государство и владельцы предприятий заботятся о них, порождала мысль отказаться от борьбы в расчете на милость и подачки фабрикантов.

Было бы, однако, неверным считать, что сложившаяся система отношений буржуазии к рабочим оставалась неизменной. Выше указывалось, что в крупных городах она не получила своего завершения; то же можно сказать и о таких районах, как Прибалтика, Польша. Отношения между рабочими и промышленниками все более принимали

⁴⁰ «Ярославская большая мануфактура». М. 1900, стр. 38, 52—83.

⁴¹ См. Ф. Домбровский. Быт фабричных рабочих по данным первой все-русской гигиенической выставки, устроенной русским обществом охранения народного здоровья. СПб. 1894; «Производство сахарных заводов гр. Бобринских Киевской губернии». Ч. 1. Киев. 1896, стр. 214—220; «Двадцатипятилетие товарищества ситценабивной мануфактуры Э. Циндель в Москве. 1874—1899». М. 1899, стр. 24, 26; «Материалы к истории Прохоровской мануфактуры и торгово-промышленной деятельности Прохоровых. Годы 1799—1915». М. 1915, стр. 265—267, 397—405 и др.

⁴² «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926)». Т. 1, ч. 1. Промышленность 1909 года. М. Л. 1929, стр. 11—12.

буржуазный характер. Уже первые фабричные законы, несмотря на стремление их творцов придать им исключительно «попечительный» характер, свидетельствуют об этом. Они создавались под воздействием рабочего движения и были, как, например, закон 1886 г. или 1897 г., прямым ответом на требования рабочих. Более того, с подъемом движения в конце 90-х годов отношения между рабочими и предпринимателями стали определяться не только нормами законодательства. Выше говорилось, что с конца 80-х годов буржуазия (прежде всего наиболее промышленных губерний) стала страховать рабочих в частных страховых обществах, параллельно этому в ряде районов стали возникать различные вспомогательные, ссудо-сберегательные и другие кассы⁴³. Под влиянием рабочего движения промышленники вынуждены были идти на повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и другие уступки. К моменту издания закона 1897 г. на большинстве машиностроительных предприятий и части текстильных фабрик Петербургской, Варшавской, Петроковской, Лифляндской, Эстляндской губерний, а также в типографиях рабочий день был ниже 11,5 часа, а на некоторых из них даже 8—9-часовой⁴⁴. После издания закона 1897 г. натиск рабочих не ослабевал; это заставляло промышленников идти на дальнейшие уступки. Стали появляться коллективные договоры с предпринимателями, особенно в период революции 1905—1907 годов. В. И. Ленин, говоря о попечительной политике царизма и о том, что «подобные проделки пользуются большим успехом», вместе с тем отмечал, что «и в Россию проникает европейский дух», признаком чего служит «неудача подобной политики за последние 10—20 лет»⁴⁵.

Идеологическое воздействие на рабочих не ограничивалось законодательством и попечительной системой. Учитывая, что лишь незначительная часть рабочих имела начальное образование, но желание получить знания у них было огромно, правительство старалось направить это стремление рабочих к просвещению в определенное русло, которое служило бы политическим целям самодержавия. Главную роль в идеологическом воздействии на рабочих играла и церковь и министерство народного просвещения⁴⁶.

При исследовании политики царизма обычно имеют в виду фабрично-заводских рабочих, точнее, подчиненных надзору фабричной инспекции, опуская из поля зрения горнозаводских рабочих, а также рабочих казенных предприятий. Число горнозаводских рабочих все время увеличивалось; они составляли в конце 90-х годов — начале XX в. примерно около 1/3 всего промышленного пролетариата. В отношении горнозаводских рабочих политика правительства имела свои оттенки, которые нельзя не учитывать. Так, например, еще в 60-х годах правительство предложило владельцам горнозаводских предприятий открывать вспомогательные кассы, работающие на взносы предприятий и рабочих, на которые возлагалась бы обязанность выплачивать деньги рабочим, получившим увечья, и лечить больных. Ввиду сопротивления буржуазии кассы такого типа стали открываться только в 80—90-х годах на юге России, в Баку, на Урале и в Польше. Всего их было открыто 28⁴⁷. Министерство земледелия и государственных имуществ было сторонником

⁴³ См. Г. Ф. Тигранов. Кассы горнорабочих; его же. Кассы для рабочих на фабриках и заводах и промышленных предприятиях России. «Труды высочайше учрежденного всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде». Т. III, вып. V, стр. 355—368.

⁴⁴ «Продолжительность рабочего дня и заработная плата в 20-ти наиболее промышленных губерниях Европейской России». СПб. 1896, стр. 3—5, 83—84, 127—128.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 74.

⁴⁶ Л. М. Иванов. Пролетариат и самодержавие: некоторые вопросы идеологического воздействия на рабочих. «Пролетариат на пути к Октябрю 1917 г.». Материалы научной сессии по истории пролетариата. Ч. I. Одесса. 1967, стр. 92—106.

⁴⁷ Г. Ф. Тигранов. Кассы горнорабочих, стр. 4.

страхования. В отношении горнозаводской промышленности, где травматизм был широко распространенным явлением, оно в конце 90-х годов выработало устав страхования рабочих на случай смерти, болезни, потери трудоспособности и старости. В отношении рабочих казенных предприятий у правительства были менее связаны руки. Поэтому на казенных заводах существовали вспомогательные кассы, организованные еще в 60—70-х годах, которые выплачивали рабочим определенные суммы в случае увечья, рабочий день на казенных предприятиях был короче, чем на частных (на предприятиях военного министерства уже в 70-х годах был введен 10-часовой рабочий день, а на предприятиях морского ведомства — даже 8-часовой)⁴⁸. На казенных и частных железных дорогах по решению правительства в конце 80-х — начале 90-х годов были созданы пенсионные и ссудо-сберегательные кассы, существовавшие на взносы рабочих и служащих, а также на средства казны и железнодорожных обществ, которые выдавали пенсии и пособия по болезни, несчастным случаям и за выслугу лет.

1895—1904 гг. А. Ф. Вовчик называет периодом, когда правительство «разрабатывает главные аспекты своей политики в отношении рабочих»⁴⁹. Он подчеркивает, что правительство «особое внимание уделяет разработке главных аспектов антирабочей политики, ищет новые пути борьбы с рабочим движением, разрабатывает новую, более гибкую тактику в отношении рабочего класса»⁵⁰. Поиски «новых путей» были вызваны тем, что старые, «испытанные методы царизма в борьбе с рабочим движением уже не давали должного эффекта»⁵¹, а репрессивные меры не имели успеха, более того, они «нередко приводили к противоположным результатам»⁵². Поиски «нового» привели к выработке «государственной программы»⁵³, суть которой заключалась: «во-первых, в решительной борьбе с социал-демократией, деятельность которой рассматривалась царизмом как причина всех выступлений рабочих; во-вторых, в дальнейшем проведении политики «попечительства» в отношении рабочего класса; в-третьих, в усилении полицейского преследования рабочих, в мобилизации всего разветвленного полицейского аппарата, в том числе и такого замаскированного, каким являлась фабричная инспекция, и армии на борьбу с революционным рабочим движением; в-четвертых, в использовании «полицейского социализма» с целью добиться отказа рабочих от политической борьбы и объединения их вокруг монархии и т. д.»⁵⁴.

Что же нового было в этой программе? Репрессии? Но они отнюдь не являлись новыми, как не было новым использование для борьбы с рабочим движением фабричной инспекции, суда, полиции и армии. Автор и сам это признает, когда пишет, что в 60—70-х годах использование войск против рабочих «приобретает систематический характер», а с 80-х годов становится «нормальным явлением»⁵⁵. О полиции вообще не приходится говорить, — она была на всем протяжении истории рабочего движения главной силой подавления всяких выступлений. Вряд ли к числу новшеств относится и борьба с революционной социал-демократией. Борьба с «неблагонамеренными личностями», революционерами, ведущими пропаганду среди рабочих, была в XIX в. одной из задач внутренней политики царизма. Можно в этом плане указать на циркуляр 1870 г., на разгром полицией рабочих союзов в 70-х

⁴⁸ Н. М. Лисецкий. Рабочие в военном ведомстве. СПб. 1906, стр. 28.

⁴⁹ А. Ф. Вовчик. Указ. соч., стр. 6, 49 и сл.

⁵⁰ Там же, стр. 64, 70, 75, 107.

⁵¹ Там же, стр. 313.

⁵² Там же, стр. 107.

⁵³ Там же, стр. 75, 105.

⁵⁴ Там же, стр. 105—106, 313—314.

⁵⁵ Там же, стр. 283.

годах, на преследования первых марксистских организаций в 80-х годах (Д. Н. Благоева, М. И. Бруснева, П. В. Точисского и др.).

Фабричная инспекция также играла не последнюю роль в проведении политики царизма. Эта роль не исчерпывалась одними чисто полицейскими функциями, как нередко оценивают ее в литературе⁵⁶. Фабричная инспекция была проводником «попечительной» политики и оказывала (как и органы надзора за горнозаводской промышленностью министерства земледелия и государственных имуществ) воздействие на буржуазию, добиваясь, чтобы последняя выполняла законы о найме, рабочем дне и т. д. Но, как известно, еще в 1895 г. министерство финансов предписало, чтобы при страховании в частных страховых обществах не производились сборы с рабочих, что стали практиковать промышленники. Это оказало на последних сдерживающее влияние⁵⁷. При распространении закона 1886 г. на горные предприятия в 1891 г. в Польше, где сборы с рабочих в больничные кассы, возникшие еще в 60—70-х годах, являлись правилом, взносы были сокращены⁵⁸ (закон говорил, что лечение должно быть бесплатным и за счет фабрикантов). Созданное в конце 90-х годов главное присутствие по фабричным и горнозаводским делам издавало обязательные постановления об организации на заводах и фабриках, при горных предприятиях больниц, приемных покоев, аптек, об оборудовании их медицинскими инструментами, набором лекарств, о строительстве жилищ для рабочих⁵⁹. В книге А. Ф. Вовчика особо подчеркивается значение известного циркуляра министерства внутренних дел от 12 августа 1897 г., который наиболее открыто выразил полицейский курс на подавление революционного движения⁶⁰. Но и это не было исключительным явлением. Еще с 70-х годов, по словам самого автора «наиболее распространенным средством борьбы с рабочим движением была административная высылка», то есть тот же полицейский курс, сформулированный в циркуляре 1870 г., а затем в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁶¹. Циркуляр 1897 г., как в свое время и циркуляр 1870 г., стал нормой в отношении к рабочим. Можно также напомнить, что по Уложению о наказании (1845 г.) зачинщики стачек (в случае их предания суду) могли быть подвергнуты аресту от трех недель до трех месяцев, а все остальные участники стачки — от семи дней до трех недель. Затем в 1886 г. антистачечные статьи были усилены: зачинщики стачек могли подвергаться аресту от четырех месяцев до одного года четырех месяцев, а остальные — от двух до восьми месяцев⁶².

В. И. Ленин, употребивший выражение «целая государственная программа» (которое затем использовал А. Ф. Вовчик), имел в виду проектируемые в одной из статей газеты «Новое время» мелкие подачки в пользу рабочих, снабженные «вывеской попечительства». Но это была, по его словам, «не новая программа»⁶³. В прошлом имелись и дру-

⁵⁶ Там же, стр. 215—249.

⁵⁷ «Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции». Вып. I. СПб. 1898, стр. 77; «Труды высочайше учрежденного всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде». Вып. V, стр. 427.

⁵⁸ С. Н. Прокопович. К рабочему вопросу в России, стр. 32—33.

⁵⁹ «Справочная книга для горнопромышленников юга России». Ч. I. Харьков. 1916, стр. 461—468.

⁶⁰ А. Ф. Вовчик. Указ. соч., стр. 54.

⁶¹ Там же, стр. 254. Таким образом, циркуляр 1897 г. имел своим прототипом циркуляр 1870 г. и опирался на имеющиеся постановления. В циркуляре 1897 г. говорилось, что во всех случаях стачек рекомендуется преимущественное направление дела в порядке положения об охране, то есть всех зачинщиков и подстрекателей немедленно арестовывать, а затем высылать за пределы губернии.

⁶² Н. Н. Полянский. Указ. соч., стр. 365, 369—370.

⁶³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 73—74.

гие аналогичные проекты правительства (Пантелеева, Святополк-Мирского, Сипягина) об организации консервативных элементов из среды рабочего класса⁶⁴ путем открытия сберегательных касс, страхования, кооперативных обществ и пр.⁶⁵ Еще в 80-х годах министр финансов Н. Х. Бунге в составленной им «Записке» специально останавливался на вопросе о борьбе с социализмом. Успех такой борьбы он связывал с созданием рабочей аристократии. Н. Х. Бунге предполагал привлечь рабочих к участию в прибылях промышленных предприятий⁶⁶.

Новым в рабочей политике правительства в начале XX в. была попытка проникнуть в рабочее движение, ввести его в мирное русло чисто экономических целей, но под надзором правительственных чиновников. Эта попытка отвлечь рабочих от политической борьбы с самодержавием являлась продолжением предыдущей «попечительной» политики, но в модернизированном виде, приспособленном к новой обстановке, с расчетом сделать это руками самих же рабочих. Однако рабочее движение в начале XX в., все более приобретающее политическую окраску, переросло рамки «полицейского социализма». Новой была также попытка (инициатором ее явилось министерство финансов) ввести должность фабричных старост, которая в известной степени являлась родственной «полицейскому социализму». Эта мера должна была локализовать рабочее движение в узкоопределенных границах, под надзором и чиновников и буржуазии. Из этого, однако, тоже ничего не получилось, но уже в силу отказа буржуазии пойти на этот эксперимент. Опыт зубатовщины не настраивал предпринимателей оптимистически, поэтому старосты были выбраны всего на нескольких предприятиях. В. И. Ленин, несмотря на то, что закон о старостах «заражает полицейски-шпионским духом зачатки рабочего представительства», предлагал использовать его, считая недопустимым устраняться «от активного участия в современной политической действительности, как бы гнусна она ни была»⁶⁷.

В России, по словам В. И. Ленина, преобладали средневековые «крепостнические методы борьбы с рабочим движением», основанные на насилии, преследовании, запрещениях. Эти методы совмещались с «попечительством», не противореча, а дополняя друг друга. В первые годы XX в. во внутренней политике самодержавия, в том числе и по рабочему вопросу, происходили колебания, выразившиеся в законопроекте конца 90-х годов о свободе стачек и наиболее отчетливо — в зубатовщине⁶⁸. Но правительство и в этом случае стремилось сохранить инициативу и руководство взаимоотношениями рабочих и буржуазии в своих руках. Еще большие колебания проявляло самодержавие в годы первой русской революции, когда оно выступило с целой серией проектов (об отмене карательных статей за участие в стачках, организации промышленных судов, разрешении профессиональных союзов, сокращении рабочего дня, государственном страховании рабочих). Колебания правительства и его попытки найти пути разрешения рабочего вопроса ни к чему не привели и не могли привести, ибо исходили из стремления сохранить самодержавие при минимальном учете новых явлений в экономической и политической жизни страны. Действительно новые пути могли быть открыты лишь при свержении самодержавия. «Смешно и думать о возможности настоящей свободы, свободы стачек при отсут-

⁶⁴ А. Ф. Вовчик. Указ. соч., стр. 83.

⁶⁵ «Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г.». «Красный архив», 1936, № 3 (76), стр. 62—63; «К истории рабочего движения 90-х гг. (Записка пом. шефа жандармов ген.-ад. Пантелеева)». «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник на 1921 г.». Иваново-Вознесенск. 1921, стр. 109—114.

⁶⁶ Л. Е. Шепелев. Копартнершип и русская буржуазия. «Рабочий класс и рабочее движение в России». М., 1966, стр. 288—289.

⁶⁷ В. И. Ленин, ПСС. Т. 7, стр. 319.

⁶⁸ Там же, стр. 127, 314.

ствии политической свободы,— писал В. И. Ленин по поводу проекта министерства финансов 90-х годов об отмене карательных статей за участие в стачках.— Право арестов и высылки без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие»⁶⁹.

Если циркуляр 12 августа 1897 г., вызвавший наибольшие возражения даже в кругу правительства, был отменен в начале 1905 г., а позднее, 4 августа того же года, было решено временно приостановить уголовные преследования по делам стачек⁷⁰, то продолжали действовать «Положения об усиленной охране», дававшие широкий простор местной и центральной администрации для расправы с неугодными правительству лицами, со всеми, кто выступал против самодержавия и его порядков. Принятый 2 декабря 1905 г. указ, несколько ослабляющий уголовную ответственность за чисто экономические стачки, вместе с тем ввел новые положения об ответственности за участие в стачках на железных дорогах и вообще на всех предприятиях, «приостановление деятельности коего угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». Таким образом, правительство и после революции 1905 г. продолжало стоять на прежней позиции наказуемости за участие в стачках, хотя, как и ранее, менее всего в этом случае рассчитывало на судебные органы, а делало ставку на административную расправу с рабочими.

Самодержавие поддерживало интересы господствующих классов и с этой позиции проводило свою политику и в рабочем вопросе, что не исключало, однако, известной самостоятельности правительственной линии. «Самодержавие удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов,— отмечал В. И. Ленин,— держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу»⁷¹. После первой русской революции, возвращаясь вновь к этому вопросу, В. И. Ленин с еще большей определенностью указал на независимость самодержавия. «Классовый характер царской монархии несколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии»⁷². На почве самостоятельности абсолютизма выросло и «беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть стоит выше всех сословий и классов народа... что она выражает всеобщие интересы всего народа»⁷³. Это в известной мере получило отражение в политических представлениях крестьян, а также и довольно многочисленных слоев рабочего класса. Буржуазно-демократическая революция, сметающая самодержавие и все его институты, должна была открыть прямой путь для рабочего класса в его борьбе с буржуазией, не затуманенный идеями о самодержавии как слуге «интересам народа». В. И. Ленин подчеркивал, что для рабочих «гораздо выгоднее *открытое* влияние буржуазии на политику, чем теперешнее *прикрытое*, якобы всемогущим «независимым» правительством... Рабочим нужна *открытая* борьба с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу...»⁷⁴.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 405.

⁷⁰ Н. Н. Полянский. Указ, соч., стр. 385.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 363.

⁷² В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 32.

⁷³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 181.

⁷⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 109.